

Но кипятъ недремлющія думы,
 Но въ груди сомнѣнье и тоска,—
 И мнѣ стыдно жребій мой угрюмый
 Промѣнять на счастье цвѣтка...

Жить-ли мнѣ одною мыслью смѣлой
 Высоко, какъ царственный орель,
 Побѣдивъ коснѣющее тѣло
 И стихій гнетущій произволь,

Чтобъ мой духъ въ стремленьи горделивомъ,
 Отъ всего земного отрѣшенъ,
 Охвативъ весь міръ однимъ порывомъ,
 Просіялъ, любовью озаренъ?..

Но соблазномъ тайныхъ обольщеній
 Призракъ счастья ласково манить,
 Мнѣ въ объятяхъ страстныхъ упоеній
 Цѣлый рай обманчиво сулить...

И усталъ я вѣчно сомнѣваться,
 Я разгадки требую съ тоской,
 Чтобъ чему-бы ни было отдаться,
 Но отдаться страстно, всей душой!

Эти думы—не мечты досуга,
 Не созданье юношескихъ грезъ;
 Это боль тяжелаго недуга,
 Роковой, мучительный вопросъ.

Мнѣ не надо лживыхъ примиреній,
 Я отъ грозной правды не бѣгу:
 Пусть погибну жертвою сомнѣній,—
 Предъ собой ни въ чемъ я не солгу!

Испытавъ весь ужасъ отрицанья,
 До конца свободы не отдамъ,
 И послѣдній крикъ негодованья
 Я, какъ вызовъ, брошу небесамъ!

Декабрь, 1883.

Д. МЕРЕЖКОВСКІЙ.